УДК: 338 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-46-63

ТЕОРЕТИКО–МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВВЕДЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ БЛАГ И УСЛУГ В КОМПЛЕКСНУЮ ОЦЕНКУ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Комлева В.В.[1]

Аннотация. В статье представлен авторский подход к определению регионального неравенства. Цель статьи – рассмотреть региональное неравенство как множественность и повторяемость нереализованных жизненных стратегий жителей регионов. В этой связи мониторинг развития регионов необходимо дополнить показателями доступности благ и услуг, которые необходимы людям для реализации их жизненных стратегий. Рассматриваются основные географические, экономические, социологические, теоретические подходы к оценке неравенства регионов.

Анализируются основные показатели и методы оценки развития регионов. Множественность однонаправленных импульсов экономического развития, которые возникают в разных местах региона, дают кумулятивный эффект для развития регионального социума.

Автор приходит к выводу, что показатели мониторинга регионов позволяют оценить экономическое неравенство, но из всех показателей социального неравенства учитывается только богатство (регионов и людей).

Вместе с тем ключевое значение приобретает не богатство само по себе, а доступность благ и услуг, необходимых для реализации жизненных стратегий людей в регионах. В результате обосновывается необходимость введения таких показателей.

Данная статья – это не только постановка проблемы и попытка методологического обоснования авторской идеи. Данная статья – это приглашение к совместному исследованию учёных и практиков для разработки комплекса показателей, позволяющих оценить развитие регионов через категорию доступности основных благ и услуг.

Ключевые слова: неравенство, региональное неравенство, развитие регионов, социальное неравенство, социальная стратификация, жизненные стратегии, методика оценки регионов, мониторинг развития регионов, показатели развития регионов, региональный социум, социология региона.

Комлева Валентина Вячеславовна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения, декан факультета международного регионоведения и регионального управления, Международный институт государственной службы и управления (МИГСУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Россия, Москва), e–mail: komleva72@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL JUSTIFICATION FOR THE INTRODUCTION OF INDICATORS OF SOCIAL GOODS AND SERVICES ACCESSIBILITY IN A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF REGIONAL DEVELOPMENT

KOMLEVA V.V. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management, International Institute of Public Administration and State Management, RANEPA (Russian Federation, Moscow), e–mail:komleva72@mail.ru

Abstract. The article presents the author's approach to defining regional inequality. Regional inequality is considered as multiplicity and repeatability of unrealized life strategies of inhabitants of regions. In this regard, monitoring of regional development needs to be complemented by indicators of access to goods and services that people need to perform their life strategies. The main geographical, economic and sociological theoretical approaches to assessing regional inequality are considered. The main indicators and methods of assessing the development of regions are analyzed. The author comes to the conclusion that indicators of monitoring of regions allow to estimate economic inequality, but from all indicators of social inequality only wealth (regions and people) is taken into account. At the same time, it is not wealth itself that matters, but the accessibility of goods and services needed to realize the life strategies of people in regions. The author justifies the need to use such indicators.

The main indicators and methods for assessing the development of regions are analyzed. The multiplicity of unidirectional impulses of economic development, which arise in different parts of the region, have a cumulative effect for the development of the regional society. The author comes to the conclusion that the indicators for monitoring regions allow one to assess economic inequality, but of all indicators of social inequality, only wealth (of regions and people) is taken into account. At the same time, it is not wealth in itself that is acquiring key importance, but the availability of goods and services necessary to implement the life strategies of people in the regions. As a result, the necessity of introducing such indicators is substantiated. This article is not only a statement of the problem and an attempt to substantiate the author's idea methodologically. This article is an invitation to joint research of scientists and practitioners to develop a set of indicators that allow assessing the development of regions through the category of accessibility of basic goods and services.

Keywords: inequality, regional inequality, regional development, social inequality, social stratification, life strategies, methods of assessment of regions, monitoring of regional development, indicators of regional development, regional society, sociology of a region.

Введение.

Актуальность темы исследования обусловлена растущим неравенством регионов и разрывом в доступности благ и услуг для людей, живущих на разных территориях, несмотря на предпринимаемые государственные меры по выравниванию развития регионов. На наш взгляд, одной из причин является недостаточность учёта показателей доступности благ и услуг, необходимых для реализации жизненных стратегий в региональных социумах. Происходит это по причине доминирования экономических показателей в комплексной оценке региона, на основе которой принимаются управленческие решения в отношении региональных социумов.

Проблема регионального неравенства рассматривается, как правило, в экономических категориях, и именно экономические показатели детерминируют принятие управленческих решений в отношении регионов. Вместе с тем выскажем ряд сомнений о достаточности такого подхода. Различность регионов по экономическим показателям ещё не является неравенством. Региональное неравенство является пространственным выражением социального (т.е. общественного) неравенства. В нашем случае речь идёт не о неравенстве (или равенстве) административно-правовых статусов регионов или их неравенстве как природно-географических систем. Речь идёт о неравенстве степени благополучия жителей тех или иных регионов, которую можно измерить путём сравнения показателей доступности наиболее значимых благ и услуг.

С этих позиций исследовательский вопрос, на который мы пытаемся найти ответ, таков: принимаются ли во внимание критерии и показатели доступности благ и услуг, влияющих на социальную стратификацию и социальное неравенство, при оценке регионов и при принятии управленческих решений? Или субъекты принятия решения апеллируют только экономическими показателями и в основу принятия решения закладывают «принцип минимальной достаточности» (то есть минимальных доходов и минимума услуг и благ), а не «принцип доступности» благ и услуг, необходимых для реализации жизненной стратегии людей?

Возникает и другой вопрос: всякая ли разница, любые ли различия и дифференциации являются неравенством? Конечно, не всякие различия в социально-экономических показателях (в том числе и региональных социумов) можно считать неравенством. Мы придерживаемся позиции, что неравенство – это относительно субъективная категория, актуализирующаяся при осознании несправедливого отношения и/или распределения благ и услуг. С этой точки зрения региональное неравенство – это несправедливое отношение и/или распределение благ и услуг между региональными социумами. Понимание несправедливости приходит тогда, когда в конкретном региональном социуме нет возможности реализовать свои жизненные планы и люди перемещаются в другие регионы в поисках лучших условий для своих жизненных планов.

Данная статья имеет три части в соответствии с логикой нашего исследования. В первой части представлен анализ тех теорий и концепций, которые долгое время составляли (и продолжают составлять) основу исследований факторов и показателей неравенства регионов. Обобщение этих теорий наглядно показывает, как экономические и географические теории детерминировали исследования регионального неравенства, что привело к потере главного смысла – потере понимания, что все те предложения, которые высказывались, в конце концов упускали из вида жизненные стратегии людей, жителей конкретных регионов, для которых и разрабатывались новые модели и подходы регионального развития. Именно множественность нереализованных жизненных стратегий жителей региона в сравнении с теми регионами, где они могли бы быть реализованы (или стали реализованы в случае миграции), рассматривается нами как региональное неравенство. Следовательно, модели развития регионов должны прежде всего быть направлены на создание условий для реализации жизненных стратегий жителей региона. Это предположение вывело нас на теории социальной стратификации, социального неравенства и позволило определить, доступность каких именно благ и услуг следует измерять для оценки регионального неравенства.

Во второй части статьи приводятся некоторые обобщения по итогам анализа тех критериев и показателей, которые используются большинством российских исследователей и государственных институтов для оценки развития регионов. Результаты анализа убедили нас, что оценка развития регионов направлена на оценку богатства и капитала региона, доходов людей, но практически не учитывает социальные показатели доступности благ и услуг, важнейших для реализации жизненных стратегий.

В третьей части статьи представлена наша аргументация в отношении тех благ и услуг, которые в настоящее время определяют успешность жизненных стратегий и потенциально являются условием благополучия региональных социумов, рассмотрены социологические теории и концепции, послужившие методологическим обоснованием выбора показателей, которые целесообразно учитывать при оценке развития регионов.

Часть первая. «Неравенство как предмет исследования» - *анализ теорий и концепций, которые долгое время составляли (и продолжают составлять) основу исследований факторов и показателей регионального неравенства.*

1.Неравенство как предмет исследования

Философские основы осмысления неравенства были заложены в работах Аристотеля и Платона. Платон, писавший о конфликте двух миров – богатых и бедных, по сути предлагал модель всеобщего благосостояния и смягчения неравенства путем создания равенства возможностей в стратифицированном обществе. Аристотель заложил понимание «лучшего» класса, условия жизни которого формируют готовность следовать рациональному принципу. Речь идёт о

среднем классе как основе общественного равновесия. По мнению Аристотеля, богатые и бедные мало способны следовать принципу рациональности, важному, как мы знаем, для государственного управления. Традиции Аристотеля и сегодня лежат в основе анализа социальной структуры общества.

Проблема неравенства осмысливалась средневековыми богословами (Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам[1]), философами эпохи Возрождения (Николай Коперник, Николай Кузанский и Эразм Роттердамский) и Просвещения (Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо), затем утилитаристами (Адам Смит, Дэвид Юм, Джон Стюарт Милль), марксистами (К. Маркс и его последователи). Среди авторов второй половины XX в. – начала XXI в., исследовавших проблему неравенства, отметим Тома Пикетти, Зигмунта Баумана, Лучано Галлино, Джозефа Стиглица, Амартия Сен, Массимо Монтанари, Жанна Карпантье и Франсуа Лебрен, Генри Киссинджера. Указанные работы заложили основы научного понимания проблемы неравенства. В современных теоретических школах по-разному подходят к оценке показателей и причин неравенства, используют разные модели развития регионов[2].

Начнём с подходов, *разработанных в географии, объясняющих* географическими условиями и закономерностями развитие региональных социумов. Речь о «географической адаптации человека, малых и больших групп к природно-географическим условиям, повлиявшим на хозяйственную, культурную, политическую жизнь. Анализ динамики развития взглядов на природно-географический детерминизм представлен в работах Д.Н. Замятина. Мы придерживаемся подхода, что социальное геопространство является не столько продуктом совместной природно-человеческой деятельности, сколько порождается обществом (в процессе производства, потребления, восприятия и пр.), точнее – каждой конкретной культурой, цивилизацией, являясь её ментальным продуктом. При этом способы адаптации локальных цивилизаций к конкретным ландшафтам по сути закодированы до начала процессов этой адаптации. Её основу составляют первоначальные и присущие только ей специфические пространственные представления, некие «коды» [3] . Это позволяет рассматривать природные особенности территории *не как предпосылку социального неравенства, а лишь в качестве сопутствующих обстоятельств*, влияние которых сильно преломляется в ходе общественного развития, так что нельзя однозначно оценивать негативность или, наоборот, позитивность каждого такого

[1] Аквинский Ф. Сумма теологии. – М.: Элькор-МК, 2002. – 911 с.; Скот Д. Трактат о первоначале/ Блаженный Иоанн Дунс Скот. – М.: URSS: Красанд, 2010. –157 с.; Оккам У. Избранное/ Уильям Оккам. – М.: URSS: Едиториал, 2002. – 223 с.

[2] Модели регионального развития описаны нами в работе: Комлева В.В., Беляева О.И., Голубченко И.В., Салихов Ш.М. Региональная политика. Ч.1. – М.: Город XXI век, 2017. – 320 с.

[3] Замятин Д.Н. Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №9. – С. 99–107.

обстоятельства. Исходя из сказанного, в каждом региональном социуме складываются свои представления о равенстве или неравенстве, формируют некоторые особенности в отношении трактовок жизненного успеха, жизненных планов, стратегий их достижения. И эти стратегии могут существенно различаться в зависимости от периферийности региональных социумов.

Опираясь на теорию Джона Фридманна [1], который предложил различать «центральные регионы» и «периферийные регионы», можно предположить, что в центральных регионах значительно больше шансов реализовать свои жизненные планы. Эти регионы интенсивных инноваций технологически, экономически и социально более развиты. Эффекты доминирования позволяют центральным регионам извлекать ресурсы из периферии (в том числе и человеческие). Модернизационные эффекты способствуют развитию более либеральных ценностей и установок. Эти и другие эффекты в центральных регионах, описанные Д. Фридманном, трансформируют жизненные стратегии региональных социумов, обусловленные природно-географической средой. Ещё более её трансформирует создание полюсов роста (теории Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиля, П. Потье и др.) – агломераций с концентрацией в них множественных услуг и видов деятельности. Агломерация создаёт условия, благоприятствующие инновациям, что, в свою очередь, привлекает больше видов деятельности и укрепляет агломерацию [2]. Городская агломерация создаёт массу преимуществ своего социума перед социумами сельских территорий, которые становятся периферийными. Плотность порождает положительные внешние эффекты для реализации жизненных стратегий от динамизма крупных городов и регионов. Как отмечает Е. Глезер, «городская плотность обеспечивает наиболее чёткий путь от бедности к процветанию»[3]. Отличается жизнь людей и в регионах, принадлежащих к разным «экономическим клубам». Теория экономических «клубов» возникла в европейской географической школе [4] и объясняет, как взаимодействие экономических сил и региональных особенностей создаёт географию «клубов», то есть групп территорий, которые находятся на разных структурных позициях в ряду ролей и функций более широкой экономики [5]. Каждый «экономический клуб» предлагает особый набор атрибутов и краткосрочных ограничений и возможностей развития. Таким образом,

[1] Friedmann, J. Urbanization, Planning, and National Development, Beverly Hills, CA: Sage. 1973. pp. 41–67.

[2] Lasue ń, J. R. Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters, Urban Studies, 1973. pp. 163–188.

[3] Glaeser E. L. Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier // The Penguin Press. – New York. – 2011. – 338 p.

[4] Storper M.. Separate Worlds? Explaining the current wave of regional economic polarization//Journal of Economic Geography. – 2018. – P.247– 270.

[5] Scott A. and M. Storper. Regions, globalization, development// Regional Studies. – 37(6-7).- 2003. - P. 579 – 593.

географические теории неравенства дают нам представление, как особенности географического положения, размещения в пространстве влияют на развитие региональных социумов, формируя условия для реализации жизненных стратегий жителей регионов и содержание самих жизненных стратегий.

Попытки поиска причин территориальных диспропорций были предприняты «новой *экономической географией»* (НЭГ). В российских исследованиях[1] часто используют группы факторов, выделенных П. Кругманом (основоположником НЭГ), объясняя региональное неравенство. Силы «первой природы» (естественные преимущества) и силы «второй природы» (созданные человеческой деятельностью), несомненно, взаимно дополняют друг друга. Но мы акцентируем внимание на факторах второй природы, так как именно они способствуют или препятствуют реализации жизненных стратегии людей в регионах. На измерение именно этих факторов направлен мониторинг регионального развития. Подход, разработанный в «новой экономической географии», прежде всего П. Кругманом, позволяет методологически обосновать комплексную оценку неравенства регионов. *Но возникают вопросы:* как измерить факторы «первой природы» и связанные с ними субфакторы? Как измерить факторы «второй природы» (эффекты агломерации, интеллектуальный капитал, институты развития, инфраструктуру) и связанные с ними субфакторы (пространственные связи, степень их кооперации, влияние глобализации, схождение в мировой рынок, повышение плотности населения, усиление международной конкуренции и др.)? Это потребует длительной работы большого коллектива учёных из разных научных областей во всех регионах России с координационным центром, цель которого – собирать все предложения и разработать модельную оценку факторов, потенциально влияющих на региональные диспропорции в развитии регионов и, в итоге, на региональное неравенство.

В экономических теориях неравенство регионов исследуется чаще всего с позиций экономического регионального роста. Будучи сторонниками кумулятивного подхода, считаем, что множественность однонаправленных импульсов экономического развития, которые возникают в разных местах региона, дают кумулятивный эффект для развития регионального социума. Как показал шведский экономист Г. Мюрдаль, даже незначительные конкурентные преимущества территории благодаря отраслевой специализации и многократно умноженному эффекту экономии на масштабе могут дать со временем значительные успехи в экономическом росте. Г. Мюрдаль считал возможным частичное выравнивание региона в развитии, признавая высокую вероятность и обратного процесса – расхождения (дивергенции)[2]. Схожих взглядов придерживаются А. Хиршман со

[1] Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. – 2011. – №1 (31). – С.3–31.

[2] Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и

своей идеей несбалансированного роста национальной экономики (ввиду дефицита ряда ресурсов) [1] , Х. Ричардсон, автор модели совокупной причинной обусловленности (с дивергенцией уровней развития регионов)[2], Х. Гирш с моделью «вулкана» [3] и др. Как следствие, можно говорить об уникальности каждого регионального социума, достигшего своего развития за счёт внутренних преимуществ. При этом нельзя рассчитывать только на внутренние силы и факторы и следует учитывать и роль внешних сил, так как региональные системы становятся всё более открытыми и взаимозависимыми, растёт роль транснациональных акторов в развитии регионов, увеличивается мобильность трудовых ресурсов.

В качестве основного критерия неравенства экономисты предлагают критерий богатства. Показатели богатства для оценки неравенства были предложены ещё Саймоном Кузнецом. В частности, он использовал внутренний национальный доход [4] . Современные экономисты связывают этот доход с уровнем инновационности развития регионов. «Недостаток инноваций» рассматривается как ключевой фактор, объясняющий экономические процессы периферии[5]. Опираясь на эти позиции, мы приходим к выводу, что необходимо:

1) измерение возможностей населения регионов обладать навыками и знаниями, чтобы быть включенными в инновационные процессы и иметь возможность пользоваться эффектами, услугами, благами от инновационного развития региона;

2) измерение доступности инноваций для жителей регионов. Без этого часть групп населения может оказаться на внутренней периферии даже в самом инновационно развитом центре.

Обратимся к *политэкономическим учениям*, в которых рассматривались не только причины неравенства, но и роль государства, социальных групп и отдельного человека в устранении причин и смягчении последствий неравенства. С этих позиций экономический фактор неравенства одним из первых проанализировал А. Смит, рассматривая его как основу общественного деления на классы: «любое общество состояло из классов землевладельцев, капиталистов и

развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – №1. – С.6–23.

[1] Hirschman A. The Strategy of Economic Development. – Yale University Press. New Haven, 1958. – 217 p.

[2] Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London: Macmillan, 1973.

[3] Giersch H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment: A Schumpeterian Perspective // Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv). – 1979. Vol.115. – Issue 4. – Pp.629-652

[4] Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality// Simon Kuznets// American Economic Review. – 1953. –№1. – P.1–28.

[5] Nitz, H. J. Der Beitrag der historischen Geographie zur Erforschung von Peripherien, in: H. H. Nolte (Ed.) Europa ¨ische Innere Peripherien im 20, Stuttgart: Jahrhundert. Steiner. 1997, pp. 17–36.

наёмных рабочих, которые являются основой любого цивилизованного общества»[1]. Основными факторами, определяющими неравенство, являются происхождение и богатство. Фундаментальные работы другого мыслителя, К. Маркса, убедительно показывают, что источником неравенства является капиталистический способ производства, стремление к максимизации прибыли и её концентрация у отдельных классов. Вместе с тем важна не сама по себе прибыль, а те возможности, которые она открывает перед одними и закрывает перед другими социальными группами. Согласно идеям, Дж. Ст. Милля, богатства распределяются в соответствии с законами и обычаями данного общества[2]. Феномен социально-экономической дифференциации в том, что частная собственность – это не основная причина бедности, так как она всего лишь обеспечивает большую свободу индивида в своих желаниях и его меньшую зависимость от масс. Главными источниками неравенства и бедности, по Дж. Ст. Миллю, становятся низкий уровень образования и завышенный уровень рождаемости.

Таким образом, в рамках экономических подходов были предложены методологические основы и система статистических показателей для оценки неравенства регионов. Начинаясь сначала с чисто экономических подходов, идеи экономистов эволюционировали к объединению своих достижений с достижениями географии, политической теории и в итоге пришли к кумулятивному подходу, наиболее точно объясняющему процессы развития регионов, факторы, направления и методики анализа диспропорций регионального развития. Предположительно, что кумулятивный подход в перспективе будет продвигаться в сторону соединения своих достижений с достижениями в области гуманитарных и социальных наук. В частности, мы считаем, что при оценке диспропорций в развитии регионов и принятии решений относительно уменьшения неравенства пока ещё недостаточно используется социологический подход.

2. ***Некоторые обобщения в отношении тех критериев и показателей, которые используются большинством российских исследователей и государственных институтов для оценки развития регионов.***

Наиболее распространёнными методами оценки неравенства (по результатам анализа исследований российских учёных[3] и практики оценивания регионов)

---

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – С 69–71.

[2] Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Пер. с англ., биограф. очерк М. И. Туган-Барановского. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.

[3] Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация [Текст]: моногр. / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160, С. 7; Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. – 2009. – N 4. – С.55–68; Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов [Текст]: монография / Р. М. Мельников. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 209 с.; Мельников Р. М. Экономический рост в системе регионов: теоретическая модель // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 2.

являются: индекс Джини по квинтильным группам населения (20%), кривая Лоренца; коэффициент корреляции; метод перцентилей; экспертные методы; кластерный анализ, методы многомерного шкалирования; отношение минимального и максимального значения; анализ динамики показателей; децильный коэффициент неравенства доходов; метод логарифмирования и др.

В практике российского государственного управления используется комплексная оценка уровня социально-экономического развития. При комплексном анализе могут использоваться сотни показателей, как, например, в Минэкономразвития РФ. Выделим основные группы показателей, заложенные в комплексную систему оценивания различий регионов: ВРП и иные производственные показатели; бюджетные и финансовые показатели; доходы населения; демографические показатели; занятость и безработица; социальные показатели (количество мест в дошкольных, школьных и иных образовательных учреждениях, мест в лечебных учреждениях и др.).

В публикации Халикова М.А. и Минина Д.В систематизированы показатели, используемые для расчёта методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития [1] . Наряду с производственной и ресурсно-инфраструктурной группой показателей авторы отмечают и социальные, что особенно важно с точки зрения сопряжения проблем регионального неравенства и социального неравенства.

Группу производственных показателей составляют: ВРП (с учётом уровня

– С. 3–18; Латышева М.А. Экономическое моделирование неравенства социально-экономического развития регионов РФ [Текст: диссертация канд. экон. наук: 08.00.13 / М. А. Латышева – Воронеж, 2010. – 195 с; Крамин М.В. Неравенство в доходах как фактор экономического роста и инвестиционной привлекательности российских регионов / М. В. Крамин, Т. В. Крамин, А. В. Тимирясова //Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2013. – № 2. – С. 31–44; Шевяков А.Ю. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России. Методы измерения и анализ причинных зависимостей / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. – М.: РПЭИ. – 2001. — 84 с; Дробышевский С. Факторы экономического роста в регионах РФ. Дробышевский, О. Луговой, Е. Астафьева и др.– М.: ИЭПП, 2005. – 278 с.; Литвинцева Г. П. Оценка неравенства официальных и скрытых доходов населения с учётом покупательной способности рубля в регионах России / Е. А. Стукаленко, О. В. Воронкова // Экономика региона. – 2010. – № 4. – С. 7–15; Клявин А.А. Социально-экономическое неравенство и его влияние на экономический рост // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2016. – №12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-i-ego-vliyanie-na-ekonomicheskiy-rost ; Глущенко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С.55 и другие.

[1] Халиков М.А., Минин Д.В. Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации и направления её совершенствования // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-kompleksnoy-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossiyskoy-federatsii-i-napravleniya-ee (дата обращения: 30.02.2020).

покупательной способности) на душу населения; объём внешнеторгового оборота на душу населения; финансовая обеспеченность региона (с учётом уровня покупательной способности) на душу населения; объём розничного товарооборота и платных услуг (с учётом уровня покупательной способности) на душу населения.

В группу ресурсно-инфраструктурных показателей входят: объём инвестиций в основной капитал на душу населения; доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике (% к общей численности занятых в экономике); основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости, с учётом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения; коэффициент плотности автомобильных дорог (коэффициент Энгеля).

К группе социальных показателей Халиков М.А. и Минин Д.В. отнесли: уровень регистрируемой безработицы (% к экономически активному населению); соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума; долю населения с доходами ниже прожиточного минимума (%); обеспеченность местами детей, находящихся в дошкольных учреждениях (мест на 1000 детей дошкольного возраста); выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями (спец. на 10 тыс. чел. населения); обеспеченность населения врачами и средним мед. персоналом (на 10 тыс. чел. населения); обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями (число посещений за смену на 10 тыс. чел.).

Наши исследования показали, что с недавнего времени были введены показатели цифровизации регионов, но они пока не включены в комплексную оценку регионов. Отдельно анализируются, но не включены в комплексную систему показателей Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), различные рейтинги регионов, качество рынка труда и условия труда в регионе, эффективность губернаторов, Индекс социального самочувствия (ВЦИОМ) и др. Данные по этим показателям не аккумулируются в статистических службах, их мониторинг ведётся отдельными государственными, частными, международными, некоммерческими организациями и иными заинтересованными акторами. Таким образом, результаты анализа убедили нас, что оценка развития регионов направлена на оценку такого стратификационного фактора, как богатство и капитал региона и людей, но не дают представления о доступности благ и услуг, необходимых для реализации жизненных стратегий.

Часть третья. Аргументация в отношении тех благ и услуг, которые в настоящее время определяют успешность жизненных стратегий и потенциально являются условием благополучия региональных социумов. Социологические теории и концепции, послужившие методологическим обоснованием выбора показателей социального неравенства, которые целесообразно учитывать при оценке развития регионов.

Основной вклад социологов в исследование неравенства связан с разработкой

проблемы социального неравенства. Хорошо известны критерии социального неравенства, предложенные, например, М. Вебером (богатство, власть, престиж) и Т. Парсонсом («качественные характеристики», «ролевые характеристики», «характеристики обладания»), но их потенциал для разработки методики оценки регионального неравенства ещё не раскрыт. Исследования именно регионального неравенства практически не велись социологами. Сама социология региона – относительно новая отрасль знаний (хотя территориальные социумы всегда были в поле зрения социологии), которую нередко отождествляют с понятием «региональная социология» как совокупностью социологических центров и социологов в регионах России. С учётом огромного опыта исследования проблем социального неравенства в социологии она могла бы внести большой вклад и в разработку проблемы регионального неравенства, в том числе в создание методики анализа такого неравенства через категорию доступности благ и услуг.

Понимая, что региональное неравенство – это не столько оценка показателей социально-экономического развития, сколько субъективные устойчивые представления региональных социумов о своём общественном положении по сравнению с жителями других регионов, тема неравенства ведёт нас в проблему социальной стратификации. Обратимся к следующим теориям:

– классические теории стратификации, а именно идеи М. Вебера о факторах стратификации (богатстве, власти, престиже), идеи К. Маркса о стратификационной роли владения, собственности, распределения прибыли;

– относительно современные идеи о неравенстве по критерию обладания знаниями, образованием и информацией, о чём в разной степени глубины писали Д. Белл, Й. Масуда, Э. Тофлер;

– новые теоретические подходы А. фан Деурсена, Й. фан Дейка (Van Deursen, Van Dijk), Массимо Рагнедды (Massimo Ragnedda) и др., согласно которым появляется новый вид социального неравенства по критерию доступности цифровой инфраструктуры и владения цифровыми технологиями. Использование цифровых технологий в наше время влияет на профессиональную и личностную успешность людей, даёт новые возможности для самореализации и гражданского участия.

Не будем подробно останавливаться на первых двух группах теорий, так как они хорошо известны в научном сообществе, но отметим, что они позволяют выделить четыре стратификационных фактора: богатство, власть, престиж, знания и образование (мы объединяем эти две характеристики в одну, ибо они взаимосвязаны). И если три первых фактора давно наблюдаемы на практике, то четвёртый фактор наиболее явно проявился относительно недавно. Отмечается, как в российском обществе подтверждаются выводы Д. Белла о разрыве между научной и интеллектуальной элитой (и связанными с ними менеджерами) и иными социальными группами; как обостряется проблема разрыва между теми, кто

участвует в процессе принятия управленческих политических решений, и теми, кто лишён такой возможности[1]. Наблюдаем эмпирическую реальность нового вида капитализма, описанную М. Кастельсом и связанную с вытеснением ряда социально-профессиональных категорий в связи с развитием машинного труда, цифровизации производств и услуг, внедрением искусственного интеллекта. Освоение современных технологий ставится условием реализации успешной жизненной стратегии, получения более качественных услуг, необходимой информации. При этом доступность новейших технологий для людей рассматривается учёными как процесс со многими социальными, психологическими и технологическими причинами, а не как единичный акт получения конкретной технологии (подробнее см. исследования Де Хаана и Едемы, Бьюси и Ньюхагена[2] фан Дейка[3] и др.). Происходит становление новой социально-стратификационной модели общества. И уже нельзя не согласиться со шведским социологом Г.Терборном, что мировой порядок снова носит классовый характер и классовая структура общества становится вновь актуальной[4], но уже с изменёнными факторами стратификации.

В современных условиях устаревает подход, согласно которому региональное неравенство можно определить, сравнив показатели экономического благосостояния региона и его жителей и связанные с этим социальные состояния. Если ещё пятьдесят лет назад, говоря о неравенстве, подразумевали различия в материальном достатке, то уже в условиях «цифровизации», «сетевизации», индивидуализации, метамодерности, высокой мобильности населения большое значение приобретают факторы образования, компетентности, адаптации, способности к мобильности и т.п. З. Бауман одним из первых заметил раскол между «тяжёлой современностью», с характерной стабильностью, с привязанностью субъектов к месту, отягощённостью материальными благами (недвижимость и т.д.), с одной стороны, – и новой «лёгкой современностью» (она же «текучая», «жидкая современность»), представители которой мобильны (и в географическом, и в социальном пространстве), быстро адаптируются к изменяющемуся миру, материальному богатству предпочитают нематериальное (личный опыт, знания, имидж и т.п.)[5]. В этой связи считаем, что в комплексную оценку регионов следует

[1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 944 с.

[2] См.: Bucy, E., Newhagen, J. (Eds.). Media Access: Social and Psychological Dimensions of New Technology Use // LEA, London. 2004.

[3] Van Dijk, Jan A.G.M. Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings// Poetics. 2006. – №34. – Pp. 221 – 235.

[4] Therborn G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. – London: Verso, 2006. – 332 p.

[5] Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.; Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в социологической теории Зигмунта Баумана // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2019. – Т.25. – №1. – С.29–41.

ввести показатели доступности цифровой среды, доступности высшего образования и доступности современных профессий, связанных с достижением престижного общественного положения.

Большое заблуждение управленческого мышления рассматривать миграции (даже внутрирегиональные) как негативный фактор. В настоящее время целесообразнее рассматривать миграции как возможности для региона решить свои проблемы трудовых ресурсов (путём создания условий, привлекательных для мигрантов востребованных профессий), как возможность модернизировать производства и работу организаций для сохранения внутрирегиональных трудовых ресурсов.

Поддерживая позицию учёных о вхождении общества в «эпоху доступа»[1], мы предлагаем в исследовании регионального неравенства сосредоточиться на категориях доступа и доступности и положить эти категории в основу методики оценки регионального неравенства.

Осмысление наработок учёных в трёх вышеназванных группах теорий в контексте современной российской реальности привело к мысли о необходимости разработки методики оценки доступности для жителей регионов России именно тех благ и услуг, которые в комплексе формируют основные факторы стратификации – богатство, власть, престиж, знания и образование. Одно из наших исследований именно методики оценки неравенства (НИР «Методика оценки регионального неравенства» по государственному заданию Российской академии народного хозяйства и государственной службы, 2020 год) показало, что современные комплексные методики основываются на подходах, разработанных в середине XX века, и мало учитывают современные тенденции общества и жизненных стратегий людей. Эти методики включают показатели, позволяющие измерить лишь один стратификационный фактор – богатство. Например, измеряются ВРП, производственные показатели, бюджет и финансовые показатели, доходы населения и связанные с ними социальные показатели – демографические, занятость, достаточность минимальная социальных услуг (число мест в школах, койкомест в больницах и др.).

В основу принятия решений по повышению благосостояния и привлекательности жизни в регионах заложен принцип, который мы называем принципом «минимальной достаточности» (МРОТ, минимальная потребительская корзина, минимальная пенсия, пособие по безработице и др.), что является прямым следствием ограниченного подхода к мониторингу жизни людей в регионах. Вместе с тем ключевым показателем равенства является не сумма дохода сама по себе, а доступность благ и услуг, которые важны для реализации жизненной стратегии. Совокупность условий, способствующих или не способствующих достижению некой

[1] Rifkin J. The Age of Access: the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience. – New York: J.P. Tarcher/Putnam, 2000. – 312 p.

множественности жизненных стратегий людей в регионе, формирует представление о неравенстве/равенстве жизни в конкретном регионе по сравнению с другими, где эти жизненные стратегии можно реализовать.

В системе оценивания развитии регионов недостаточно заложены показатели степени доступности тех благ и услуг, которые позволяют населению выйти за «принцип минимальной достаточности», а именно: доступность высшего образования, политических институтов (что нередко коррелирует с наличием высшего образования), доступность сфер деятельности, которые престижны, и др.

Региональное неравенство – это различность регионов по показателям, но до тех пор, пока эта различность не приобретает субъективный смысл и не становится субъективной реальностью конкретных людей. Оценка равенства/неравенства людьми идёт через оценку возможностей для реализации жизненных стратегий. Множественность и повторяемость нереализованных жизненных стратегий – это и есть неравенство одного региона по сравнению с другим. Региональное неравенство – это не столько оценка показателей социально-экономического развития, сколько субъективные устойчивые представления региональных социумов о возможности реализации своих жизненных стратегий в конкретном регионе по сравнению с жителями других регионов. Как следствие, оценка развития регионов не может быть полноценной без учёта показателей социальной стратификации, а именно доступности благ и услуг, определяющих жизненные стратегии. Необходимо совместное исследование учёных и практиков для разработки комплекса показателей, позволяющих оценить развитие регионов через категорию доступности основных благ и услуг (необходимых для реализации жизненных стратегий людей в регионах) и, как следствие, степень их неравенства.

Библиография/References:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные? Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: ЭКСМО, 2017. – 720 с.

2. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 6–23.

3. Замятин Д.Н. Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов // Метод. – 2012. – № 3. – С. 191–217.

4. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 7–27.

5. Ленторп Б. Диффузия инноваций как пространственный процесс // Ключевые тексты в гуманитарной географии. – М.: МГУ, 2010. – С. 15–24.

6. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Пер. с англ., биограф. очерк М. И. Туган-Барановского. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.

7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

8. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.

9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.

10. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.

11. Халиков М.А., Минин Д.В. Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации и направления её совершенствования // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-kompleksnoy-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossiyskoy-federatsii-i-napravleniya-ee (дата обращения: 30.02.2020).

12. Christaller, W. Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktion. Nachdruck der Ausgabe von 1933. – Darmstadt, 1980. – 331 p.

13. Copus, A. K. From core-periphery to polycentric development: Concepts of spatial and aspatial peripherality, European Planning Studies, 2001, pp. 539–552.

14. Friedmann, J. Urbanization, Planning and National Development. – Beverly Hills: Sage Publications, 1973. – 351 p.

15. Giersch, H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment: A Schumpeterian Perspective // Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv). – 1979. Vol.115. – Issue 4. – P.629-652

16. Glaeser, E. L. Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier // The Penguin Press. – New York. – 2011. – 338 p.

17. Hirschman, A. The Strategy of Economic Development. – Yale University Press. New Haven, 1958. – 217 p.

18. Krugman, P. Geography and Trade (Cambridge: MIT Press/Leuven University Press), 1991.

19. Kuznets, S. Economic Growth and Income Inequality// Simon Kuznets// American Economic Review. – 1953. – № 1. – P.1–28.

20. Lasue ń, J. R. Urbanisation and development. The temporal interaction between geographical and sectoral clusters, Urban Studies, 1973. pp. 163–188.

21.Leontief, W. Domestic Production and Foreign Trade; The American Capital Position Re-Examined // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1953. Vol.97. – № 4. – P.332-349.

22.Nitz, H.J. Der Beitrag der historischen Geographie zur Erforschung von Peripherien, in: H. H. Nolte (Ed.) Europa ¨ische Innere Peripherien im 20, Stuttgart: Jahrhundert. Steiner. 1997, pp. 17–36.

23.Richardson, H.W. Regional Growth Theory. – London: Macmillan, 1973.

24.Rifkin, J. The Age of Access: the New Culture of Hypercapitalism, Where All of Life is a Paid-for Experience. – New York: J.P. Tarcher/Putnam, 2000. – 312 p.

25.Scott, A. and M. Storper. Regions, globalization, development // Regional Studies. – 37(6-7). – 2003. – P. 579-593.

26.Storper, M. Separate Worlds? Explaining the current wave of regional economic polarization//Journal of Economic Geography. – 2018. – P.247-270.

27.Therborn, G. Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. – London: Verso, 2006. – 332 p.

1. Adzhemoglu, D., Robinson, Dzh.A. (2017) Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye? Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniia i nishchety [Why are some countries rich and others poor? The origin of power, prosperity and poverty]. – M.: EKSMO. – 720 p. (In Russ.)

2. Gadzhiev, Iu.A. (2008) Neoklassicheskie i kumuliativnye teorii regional'nogo ekonomicheskogo rosta i razvitiia [Neoclassical and cumulative theories of regional economic growth and development] // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Investments of Syktyvkar State University]. – № 1. – P. 6–23. (In Russ.)

3. Zamiatin, D.N. (2012) Geospatsializm. Ontologicheskaia dinamika prostranstvennykh obrazov [Geospatialism. Ontological dynamics of spatial images] // Metod [Method]. – № 3. – P. 191–217. (In Russ.)

4. Zubarevich, N.V. (2014) Regional'noe razvitie i regional'naia politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia] // EKO [ECO]. – № 4. – P. 7–27. (In Russ.)

5. Lentorp, B. (2010) Diffuziia innovatsii kak prostranstvennyi protsess [Diffusion of innovations as a spatial process] // Kliuchevye teksty v gumanitarnoi geografii [Key texts in humanitarian geography]. – M.: MGU. – P. 15–24. (In Russ.)

6. Mill', Dzh.S. (2007) Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniiami k

sotsial'noi filosofii [Fundamentals of political economy with some applications to social philosophy] / per. s angl., biograf. ocherk M. I. Tugan-Baranovskogo. – M.: Eksmo. – 1040 p. (In Russ.)

7. Piketti, T. (2015) Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. – M.: Ad Marginem Press. – 592 p. (In Russ.)

8. Rikardo, D. (2008) Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniia [Principles of political economy and taxation]. – M.: Eksmo. – 960 p. (In Russ.)

9. Smit, A. (2016) Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of peoples]. – M.: Eksmo. – 1056 p. (In Russ.)

10.Stiglits, D. (2016) Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili chto delat' ostavshimsia 99% naseleniia [The Great Separation. Inequality in society, or what to do for the remaining 99% of the population]. – M.: Eksmo. – 480 p. (In Russ.)

11.Khalikov, M.A., Minin, D.V. (2007) Metodika kompleksnoi otsenki urovnia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov Rossiiskoi Federatsii i napravleniia ee sovershenstvovaniia [Methodology for a comprehensive assessment of the level of socio-economic development of regions of the Russian Federation and the direction of its improvement] // Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika [Regional economy: theory and practice]. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-kompleksnoy-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossiyskoy-federatsii-i-napravleniya-ee (data obrashcheniia: 30.02.2020). (In Russ.)